

Круговорот рабства в природе, или Главное, чтобы костюмчик сидел

Завершение беспримерного по своим масштабам и продолжительности II Чеховского международного театрального фестиваля было окрашено в цвета праздничной комедии дель арте и ненавязчивой социальной дидактики, которые совместились в спектакле "Остров рабов" знаменитого "Пикколо театро ди Милано". Правда, к ним добавился оттенок затаенного и нам понятного конфликта между театром и властями, разбившего надежды театралов увидеть Джорджо Стрелера. Великий режиссер оставил театр, которым руководил полвека (его контракт действителен только до декабря), и Милан, чьи власти прекратили строительство давно уже обещанного, запланированного и необходимого нового здания театра. "Я боюсь, что это решение может оказаться окончательным, потому что на данный момент я не вижу ни одного конкретного проявления доброй воли, чтобы решить серьезные проблемы нашего театра, который уже работает пятьдесят лет. Если итальянские власти не окажут нам содействия, то они совершат серьезную ошибку", — написал Джорджо Стрелер, обращаясь к москвичам. Но все-таки... "В этот момент меня не будет с вами, но это не так уж важно. Я здесь вместе с актерами, в мизансценах, световых эффектах, в каждом жесте и слове. Мое художественное воплощение важнее моего личного присутствия". Но все-таки москвичи увидели долгожданный "Остров рабов", чей показ, кстати, тоже долгое время оставался под вопросом.

Мариво написал "Остров рабов" более двухсот лет назад для итальянских актеров, выступавших в Париже, которые были настолько популярны, что в их уста можно было вложить притчу о республике, об осознанном и выстраданном равенстве и братстве. Ситуация, когда двое господ и двое слуг в результате кораблекрушения попадают на остров, по законам которого господа и слуги должны были поменяться и своими одеждami, и своими социальными ролями, — реверанс в сторону увядающего великолепия комедии дель арте с ее каскадом шуток-лацци, изощренным мастерством и виртуозными трюками, разрушающими любые языковые барьеры (Стрелер, как и двое других его прославленных на весь мир коллег — Штайн и Брук, потребовал играть спектакль без перевода). Развитие этой ситуации, когда слуги и господа побывали в шкуре друг друга под мудрым покровительством хозяина острова Тривеллино и простили друг другу грехи (не свои, а своих социальных слоев), — уже дань эпохе Просвещения.

Цвет Джорджо Стрелера — белый цвет, цвет надежды, прощения, артистической чистоты, свежего воздуха в замкнутом пространстве театра, убранного с площади в коробку зрительного зала. Белым был "Вишневый сад", один из лучших (по признанию очевидцев-счастливчиков) стрелеровских спектаклей, белым стал и "Остров рабов". Яркие краски жизни, их кричащие, порой нелепые сочетания, совсем не нужны Стрелеру и сценографу Эцио Фриджеро, чтобы создать свою потрясающей красоты картину. Белым на белом, светом и тенью рисуют они корабль, гибнущий в море, туманный остров с пальмами и другими экзотическими растениями, мистическую луну, чей феерический свет вдруг круто ме-

няет все представления о жизни и у рафинированных господ и у их озлобившихся и теперь берущих реванш слуг, и они прощают друг другу свое многовековое противостояние.

Изначальное природное равенство людей Стрелер обозначает самым простым способом — отсутствием одежды, этой видоизмененной XX веком маски комедии дель арте. Пока Мсье (Леонардо де Колле) и Арлекино (Маттиа Сбраджиа) обнажены, они могут порадоваться, что оба остались живы. Но процесс одевания, полный виртуозных пластических и мимических лацци Арлекино, все расставляет на свои места, и перед нами уже не два выживших человека, а слуга и господин. По приказу Тривеллино (Ренато де Кармине), проповедующего рабство как урок человечности, слуги и господа меняются и одеждami и положением, а мы, как в капле воды, видим то, что пытались устроить у себя лет эдак семьдесят с лишним назад (да и не только мы одни), когда "товарищи" захотели стать "господами", надев на себя отобранные маски (костюмы, богатства, привилегии) господ, но оказалось, что эти маски не подходят для их подлинных лиц. Арлекино рисует черным маску господину, но свою не стирает — если ты испачкаешь другого, то еще не значит, что отмоешься сам. Сильвия (Лаура Марионони), жмурясь от удовольствия, натягивает на себя роскошное платье госпожи (Памелла Виллорези) и плюхается на землю, по-крестьянски расставив ноги, яростно теребя шнуровку платья — что ни говори, а корсет культуры кое-кому оказывается тесен. Но слуги оказываются благородны, господа демократичны, а правитель мудр, как и положено в эпоху Просвещения. А нам, давно уже проскочившим золотую середину разума, остается только изумляться тому, как искренне и празднично эти люди отдаются буйству фантазии и мудрости, предаваясь веселью под изумительным по красоте дождем, заливающим этот фантастический, не реальный нигде в нашем мире остров.

"Я не люблю общество, в котором живу, я создал бы другое. Я хотел бы изменить мир, но я не умею делать ничего, кроме театра. И я занимаюсь театром, хотя знаю, что посредством одного только театра мир не изменить. Но я могу изменить его хотя бы на миллиметр!"

Ольга ФУКС.
Фото Михаила
ГУТЕРМАНА.